НЕФОРМАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сергей ПАНЧЕНКО
кандидат философских наук, доцент, проректор по воспитательной работе Морской государственной академии имени адмирала Ф.Ф. Ушакова

Авторы многих научных работ делают обоснованные выводы о вступлении человечества в эру риска. Действительно, жизнь людей перенасыщена множеством факторов, придающих ей неопределенный ценностный характер, и их реальная жизнедеятельность пронизана разнонаправленными векторами формальной и неформальной активности.

Исследование неформальной активности носит междисциплинарный характер, выступая в виде интегральной характеристики, включающей в себя, помимо действия, волю, целеполагание, творчество, общение. К сфере собственно неформальной активности относятся не только некая теневая деятельность, но и вся инициативная инновационная деятельность, а также творческие начинания, безвозмездная помощь, самодеятельность и т. д.

В современном российском обществе фиксируется низкий уровень доверия к формальным институтам, а это, в свою очередь, стимулирует развитие неформальных отношений. Повсеместно обнаруживается практика несоблюдения законов, инструкций и постановлений, регламентирующих те или иные сферы деятельности. Реальность красноречиво свидетельствует о комплементарности, взаимодополняемости формальной и неформальной активности, когда не только делают ставку на норму и закон, но и стараются создать благоприятные условия, произвести хорошее впечатление, использовать дополнительные каналы воздействия и пр. Сочетание семейно-родственных, дружеских, а иногда и клановых отношений с рыночными правилами игры становится во многом привычно рациональным и предсказуемым образом поведения. «Смычка» формального и неформального порядка предстает как реальность. Наблюдается даже некая компромиссная гармония между жестко регламентирующими законами и общепринятой практикой их неполного соблюдения. В обыденном сознании фиксируется устойчивый баланс, когда то или иное положительное решение проблемы «нормальным образом» объясняется наличием связей, поддержки, заинтересованностью, а то и просто выгодой, финансовыми влияниями. Вместе с тем во всех названных случаях доминирует ориентация на личную пользу в ущерб праву и морали. В результате ценностные ориентации современного «массового человека» трансформируются в сторону принятия бесправия, несправедливости распределения благ и ресурсов, нарушения порядочности и игнорирования интересов участников взаимодействия.

Это согласовывается с теорией неоинституционализма в том, что, с одной стороны, общественные институты выступают как правила игры, которые ограничивают набор альтернатив, из которых люди осуществляют выбор, но, с другой стороны, люди соглашаются на ограничения, поскольку в итоге это сулит им выгоды (М. Леви, К. Шепсл, Э. Остром).

С политической точки зрения снижение неформальной активности ставится в зависимость от повышения уровня государственного регулирования в целом и критериев контролируемости в частности. Однако проблема неформальной активности и неформальных правил игры тем самым не снимается. Очень часто реформаторские усилия по ужесточению институциональных требований погашаются инерционной массой стереотипов, обычаев, неформальных правил и трансформированных ценностей. Степень неформальной активности настолько высока, что возникает достаточно ощутимое противоречие, когда индивид, как и большая часть его окружения, руководствуется неформальными нормами и вместе с тем осознает, что должен подчиняться и соответствовать существующим формальным институциональным правилам. В связи с этим особый интерес представляет анализ свойств неформальных устоев, выявление всех негативов двойственной ориентации жизнедеятельности индивидов, легитимных факторов, ее обуславливающих, оказывающих непосредственное влияние на ценностные ориентиры. Для российской действительности особо характерен такой вид демонстрационного поведения, когда субъект деятельности декларирует необходимость следовать формальным нормам и правилам, а сам руководствуется неформальными отношениями. Неформальную активность, направленную на максимизацию личной выгоды, следует отличать от неформальной активности индивида, которая присуща всем его проявлениям как самостоятельного, динамично реагирующего на происходящее существа, творчески и оригинально мыслящего субъекта.

Наиболее значимым и принципиально инновационным представляется анализ идеи, согласно которой неформальная активность приобретает свойство аддитивности, т. е. работает согласно принципу дополнения до целостности, направлена на обнаружение и использование тех ресурсов и потенциала, которые необходимы для поддержания жизнедеятельности данной системы и человека, компенсируют нехватку недостающих компонентов. Правомерно различать личностно-индивидуальный уровень неформальной деятельности, направленный на выживание, и системный уровень, связанный с функционированием той или иной системы взаимодействий. В этом ракурсе свойство аддитивности неформальной активности свидетельствует об определенном стабилизирующем потенциале и в некоторой степени направлено на сглаживание кризисных проявлений. Это становится ясно при анализе объема понятия «неформальная активность». Ее сопровождают добровольные соглашения, традиции ведения деловой практики, различные инициативы, а также отношения, обусловленные обязательствами, данным словом, единством слова и дела, чувством привязанности, памятью и тем, что называется «быть благодарным». Неформальная активность субъектов деятельности с точки зрения обыденной жизнедеятельности свидетельствует о привлечении дополнительных по сравнению с формальными ресурсов, о креативном потенциале участников процесса, ярко выраженном стремлении к достижению поставленной цели и даже об эвристичности принятия решений в условиях ценностной неопределенности.

Поэтому актуальным становится не отдельный, изолированный анализ формальной либо неформальной активности, а столь характерное для современной жизни их взаимодополнение в контексте возникновения ценностных трансформаций. Поведение людей, расцениваемое как отступление от правил формальных отношений, часто оказывается общепринятым образцом поведения в контексте параллельной неформальной практики. Неформальная активность нередко проявляет себя как механизм адаптации и расценивается как эффективная.

Анализ специфики неформальной активности позволяет констатировать, что в ней фиксируется отсутствие паттернов, т. е. систематически повторяющихся и инвариантных по содержанию шаблонов поведения. Поэтому неформальная активность может быть расценена как иррегулярная. Ее характеризуют принципы и типы поведения, которые не отражены совокупностью формальных правил. Следовательно,

особое значение приобретает «движение снизу» – от «прижившейся» нормы, которая имеет историю неформальной апробации. Здесь мы вновь выходим на идею неоинституционализма о том, что совершенный когда-то ранее выбор (структурного или нормативного свойства) влияет на все последующие решения, в том числе, политические (Д. Ашфорд, К. Телен, Д. Кинг и др.).

В рамках так называемого «старого институционализма» институтами называются привычки, стереотипы мышления и поведения, разделяемые большим числом членов общества. Важно, что данное понимание основывается на анализе поведенческих структур и смыкается с бихевиоральным подходом в политологии. Оно развернуто к реалиям жизни и может быть весьма плодотворным и сегодня. Согласно выводам исследователей, «старый институционализм» обращает внимание на социально-психологические особенности субъекта, стереотипы сознания и поведения, полноту и неполноту информации и пр. [1, с.18].

Реальный субъект в своих действиях ограничен комплексом политических, социальных, морально-этических норм и регулятивов, он не может быть свободен от них. Речь идет о том, что в науке называют социокультурной детерминацией, в результате которой человеческое сознание и поведение формируются в процессе политической социализации, под влиянием совокупности обстоятельств. Способ поведения субъектов, само качество восприятия жизни и методы вхождения в практические реалии выступают производными от политической и социокультурной среды. Однако неформальная активность не только социокультурно обусловлена, во многом она движима внутренней мотивацией человека. На эмпирическом уровне можно зафиксировать следующие различимые стадии: сначала происходит идентификация ситуации, затем идет подбор шаблона, ориентированного на идентифицированную ситуацию, после чего определяется действие, соответствующее шаблону.

Вместе с тем институт, предстающий в виде набора правил и норм, не может полностью определить поведение человека. Человек – существо разумное, поисковое и активное. Его сознание не только отражает, но и творит мир. Наш современник находится в ситуации каждодневного выбора. Индивид может и должен каждый раз самостоятельно выбирать, как ему действовать: в соответствии с принятым шаблоном, принятой нормой и стереотипом или в соответствии с собственными запросами, как говорится, «на свой страх и риск» в ситуации, когда структура ценностей претерпевает изменения.

Нормы и правила могут иметь обязывающий, запрещающий или разрешающий характер. И вся их совокупность выступает в роли некоего ограничителя выбора, своеобразного «запретного принципа».

На наш взгляд, для неформальной активности характерны следующие особенности. Во-первых, это активность, альтернативная заданному формальному типу, поэтому она принимает характер оппортунистического поведения по отношению к существующим институциональным нормам. В рамках существующих институциональных норм такое (неформальное) поведение либо не прописано и не предусмотрено, либо недопустимо и запрещено. Следовательно, для неформальной активности характерен оппортунизм по существу, оппортунистические взгляды, установки, поведение и действия.

Во-вторых, в сфере неформальной активности присутствует осознание взаимосвязи между деятельностью человека и получаемой им совокупностью удовольствий. Эта особенность лежит глубоко в подсознании человека, она эволюционно обусловлена, связана с его инстинктами и часто выполняет полезную приспособительную функцию.

В-третьих, в сфере неформальной активности властвует принцип «допустимости выгодного». Он хорошо объясняется приверженцами позиции, для которых неформальные действия возникают там и постольку, где и поскольку среднее ожидание выгод от такого поведения превосходит среднее ожидание потерь от его обнаружения и наказания. В этом смысле неформальная активность связывается с нахождением способов повышения выгодности, в связи с чем существующие формальные правила оказываются под постоянной угрозой их нарушения.

В-четвертых, в то время как формальные институты ориентированы на иерархию, для неформальной активности важна доступность социальных связей. Эта характеристика заключает в себе определенный протест против иерархии и формальных ограничений.

В-пятых, особо значима стратегия минимального взаимного доверия и возникновение личной симпатии. В отличие от формальных взаимодействий стратегия минимального доверия предполагает предварительное знакомство и носит персонифицированный характер, причем временной интервал персонификации неформальной активности весьма непродолжителен. Он может быть ограничен сроком активной жизнедеятельности основных участников взаимодействия как максимум и самой ситуацией, выход из которой означает завершение персонификации, как минимум. Следовательно, ни о какой долгосрочной перспективе для неформальной активности в случае, если она не возобновляется и ничем не поддерживается, не может быть и речи.

В-шестых, неформальное может рассматриваться как инновационное в широком понимании этого понятия, характеризующееся принятием отличных от общепринятых решений.

В-седьмых, неформальное имеет собственные количественные параметры, которые предполагают увеличение неформальности в случае институциональной зарегламентированности и наоборот.

Исследователь данной проблемы А.Н. Олейник особо отмечал роль доверия, показывая, что оно делает возможным симпатию, эмпатию (способность поставить себя на место партнера). Эмпатия обусловлена комплексом норм, и предвидение поведения партнера становится важным следствием доверительных отношений. Подчеркивается и то, что в российском социуме большинство типов поведения отличны от целерационального. Субъекты аффективны в своих отношениях с окружающими, поэтому они скорее не будут поддерживать отношения с неприятным, но полезным человеком [2].

Другой важнейшей характеристикой неформальной активности является стремление сохранить внутригрупповую репутацию и норма «свой своему друг поневоле». В этой связи в неформальных образованиях присутствует некий «типовой» распределительный эффект.

Все названные особенности неформальной активности, среди которых: принцип допустимости выгодного, стратегия минимального взаимного доверия и его персонифицированный характер, отношения личной симпатии, стремление сохранить внутригрупповую репутацию и «осознание взаимосвязи между деятельностью человека и получаемой им совокупностью удовольствий», имея социально-психологический контекст, – позволяют по-новому взглянуть на нашего современника. Эти характеристики его жизнедеятельности могут открыть новую страницу современной политологии, дадут возможность понять зависимость внутреннего самоограничения субъекта от силы его убеждений, менталитета. Современный человек, который выступает социальным агентом в многообразных сферах деятельности, не может быть свободен от груза ментальных и культурных детерминаций, зависимости от информативности и мотивации, регулятивов целесообразности рациональности, принятия того или иного ценностного набора.

В рамках неоинституционализма представления об институциональности изменились. С понимания институтов в их социально-психологическом контексте (привычки, стереотипы, шаблоны) акцент сместился на понимание их как набора правил игры. С точки зрения Д. Норта,

институты обеспечивают координацию действий членов общества, потому что все подчинено принятым правилам игры. Однако между правилами игры, подсистемами и нормами возможны рассогласования и конфликты. Поэтому их корректировка, как отмечают современные последователи неоинституционализма, осуществляется в сфере корпоративной саморегуляции. Это значит, что граница между формальным и неформальным становится очень зыбкой и зависимой от корпоративной саморегуляции. Руководство компаний постоянно сталкивается с несовершенством формальных институтов. Присутствуют риски при разрешении разного рода тупиковых ситуаций, при принятии политических решений и актов ненормативного характера и прочее [3].

Примечательно, что именно Д. Норт подчеркивал значимую роль неформальных правил. Он писал: «Мы, живущие в современном западном мире, считаем, что жизнь и экономические процессы подчиняются писаным законам и правам собственности. Однако даже в самых развитых экономиках формальные правила составляют небольшую (хотя и очень важную) часть той совокупности ограничений, которые формируют стоящие перед нами ситуации выбора... Наше поведение в огромной степени определяется неписаными кодексами, нормами и условностями» [4].

Неформальное (альтернативное, оппортунистическое или партикулярное) поведение индивида предполагает особый тип мышления и функционирования. Характерно, что, если формальные нормы учреждаются полномочными органами, то неформальные правила не имеют конкретных «авторов». В неформальных отношениях присутствует установка на игнорирование письменных и формально зафиксированных условий договоренностей, значимы правила корпоративной или сословной чести, устои, обычаи и т. п. Дело в том, что в неформальной среде круг допустимых поступков также очерчен и связан с такой характеристикой, как координируемость. Считается, что неформальные стереотипы, глубоко укоренившиеся в сознании, являются весьма устойчивыми, медленно и с трудом поддаются изменениям и характеризуются как рутинные.

В завершение можно обозначить ряд моделей соотношения формального и неформального как фактора ценностной трансформации. В первой из них в качестве ядра выступает формальная норма, которая окружена многообразными конфигурациями неформальных правил. В другой – вершину составляют формальные правила, средний пласт – неформальные акции, а основание упирается в культурные традиции, обычаи и ценности. В трехуровневой модели в качестве верхнего уровня берется институциональная среда, в качестве среднего – вся совокупность норм и соглашений, в качестве низшего слоя – сам индивид, активность которого и является движущей силой всех преобразований.

Неформальная активность является одним из факторов, влияющих на конфигурацию ценностных конструкций, и возникает как ответ на ценностную неопределенность.

Литература

1. *Лисин В.С.* Институциональные аспекты экономических реформ в России. Монография. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Высш. шк., 2000.
2. *Олейник А.Н.* Издержки и перспективы реформ в России: институциональный подход. М.: Изд-во Магистр, 1997.
3. *Осипенко О.* Формирование институтов корпоративной сферы: российский опыт//Российский экономический журнал. М., 2005. № 4.
4. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ

Пётр СПОРЫШЕВ

аспирант кафедры информационного обеспечения внешней политики России факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова, сотрудник Консульской службы МИД РФ

Международно-политическое значение миграции в современном мире определяется не только и даже не столько интенсивностью и направленностью миграционных перемещений, сколько качественными характеристиками тех социальных, экономических, культурных, политических взаимодействий, в которые включаются иммигранты в стране пребывания и которые в конечном счете определят лицо завтрашнего глобального социума. От того, как протекает интеграция мигрантов к принимающему социуму, зависит не только диаспоральная устойчивость, но и образование новых диаспор. А это, в свою очередь, во многом определяется теми концептуальными подходами, которые лежат в основе иммиграционной политики принимающих государств.

До последнего времени взаимоотношения между иммигрантскими диаспорами и коренным населением большинства развитых стран Европы и Америки определял принцип культурного плюрализма, или мультикультурализма. Однако уже в рамках этой единой официальной платформы наблюдались разные подходы к проблеме интеграции иммигрантов. Некоторые страны, такие как Франция и ФРГ, несмотря на официально провозглашенный мультикультурализм, пытались проводить достаточно жесткую ассимиляционную политику (под негласным лозунгом «ассимилируйтесь или возвращайтесь»), между тем северные страны – Дания, Швеция, Нидерланды проводили принципы мультикультурализма по отношению к иммигрантским диаспорам более последовательно. В.Л. Иноземцев отмечает, что, хотя исторические тенденции развития иммиграции в европейские страны весьма сходны с американскими, тем не менее, есть и принципиальные различия: «Активному притоку переселенцев из стран «третьего» мира, начавшемуся в 50-е годы, не предшествовал период ассимиляции представителей национальных групп, культурно, исторически и религиозно близких западноевропейцам» [1]. Констатируя существенное отличие Европы от Соединенных Штатов в отношении к современным проблемам миграции, ученый указывает, что «США сформировались как союз свободных людей, объединенных определенной целью; напротив, европейские нации-государства сложились на базе исторической традиции, общности происхождения и территории» [1, с.35]. Поэтому, если американская культура открыта для интеграции в нее новых элементов, то европейцы, наоборот, дорожат каждым элементом своей культуры и стремятся к сохранению ее оригинальности [1].

Однако парадоксальность ситуации состоит в следующем. При том что европейские страны в значительно меньшей степени скованы идеологическими препятствиями к ограничению иммиграции, чем такие традиционно «иммигрантские» страны, как США и Канада, европейские политики долгое время опасались критики слева и справа и не осмеливались публично обсуждать плюсы и минусы иммиг-